

2. Волкова, Н.А. Фонетика говоров Посемья / Н.А. Волкова. – Череповец, 2003.
3. Галинская, Е.А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте / Е.А. Галинская. – М., 2002.
4. Гринкова, Н.П. Воронежские диалекты / Н.П. Гринкова // Ученые записки ЛГПИ им. Герцена. – Л., 1947. – Т. 55.
5. Котков, С.И. К изучению орловских говоров / С.И. Котков // Ученые записки Орловского пед. ин-та, кафедра русского языка. – Орел, 1952. – Вып. 3.
6. Котков, С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии (Фонетика и морфология) / С.И. Котков. – М., 1963.
7. Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. – М., 1977.
8. Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги. – М., 1982.
9. Памятники южновеликорусского наречия. Челобитъя и расспросные речи / С. И. Котков, Н. С. Коткова, Т. Ф. Вашенко, В. Г. Демьянов / отв. ред. В. П. Вомперский. — М., 1993.

УДК 811.161.1

Н.А. Волкова, Н.Г. Михова, А.А. Ковшикова

МНОГОФАКТОРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ВАРИАНТНОСТИ В ГОВОРАХ ИСТОРИЧЕСКОГО БЕЛОЗЕРЬЯ

Публикация выполнена в ходе проведения поисково-исследовательской работы в рамках регионального конкурса РГНФ «Северо-Запад России: история и современность» 2012 Вологодская область, проект № 12-14-35600

В статье рассматриваются фонетические варианты согласных фонем, функционирующие в говорах исторического Белозерья и обусловленные различными факторами: историческими, лингвистическими, социальными.

Диалект, варианты, консонантизм, велярный, аффриката, говоры исторического Белозерья, межзональные, «переходные» говоры.

The article considers the phonetic variations of consonant phonemes functioning in local dialects of historical Belozerye and conditioned by different factors: historical, linguistic and social.

Dialect, variants, consonantism, velar, affricate, dialects of the historical Belozerye, interzonal, "transitional" local dialects.

Русские народные говоры представляют собой систему сосуществующих вариантов языка, в каждом из которых наряду с общерусскими нормами проявляются специфические диалектные особенности. Исследователи отмечают, что устные тексты характеризуются высокой степенью фонетической вариативности, так как все закономерности в ней носят не регулярный, а вероятностный характер [13, с. 16]. Вариативность принадлежит к числу важных объективных свойств языковых единиц, отражающих развитие языковой системы. Вариативность (языковое варьирование) – это видоизменения слова, влекущие за собой появление новых единиц, которые могут отличаться друг от друга своей внешней стороной и в то же время сохранять единство лексического наполнения [8, с. 80].

Изучение вариантности сегментных единиц, возникающей в результате взаимодействия двух или нескольких языковых систем, является важной проблемой современных фонетических исследований. В отличие от русского литературного языка, наука о котором имеет в своем арсенале обобщающие работы о тех или иных видах формальных вариантных образований (Р.П. Рогожникова, К.С. Горбачевич, Л.К. Граудина, Л.П. Крысин, В.Н. Немченко), русская диалектология располагает лишь небольшим количеством научных работ, в которых имеются

представления о диалектной вариантологии (З.М. Богословская). Внутриязыковая интерференция на фонетическом уровне в диалектологии представлена еще меньше.

Настоящая работа представляет собой фонетическое исследование вариативности согласных, возникающей в речи жителей Кирилловского района Вологодской области.

Говоры Вологодчины в фонетическом аспекте на разных этапах изучались А.С. Ягодинским, М.И. Бувальцевой, Л.Л. Касаткиным, Р.Ф. Пауфошимой, И.В. Бегунц, Н.Г. Миховой, Й. Ваахтера. Но лингвистическое пространство этого региона нуждается в дальнейшем изучении с целью создания более полного описания языковой ситуации вологодского севера как части языкового пространства России.

В основу настоящей статьи положены данные диалектологических экспедиций Череповецкого государственного университета 2004 – 2008 гг., где авторы записывали на диктофон живую спонтанную речь местных жителей из 25 населенных пунктов Кирилловского района Вологодской области. В качестве информантов выступали люди старшего поколения, местные уроженцы или люди, давно и постоянно проживающие на исследуемой территории. Живая речь записывалась, а затем обрабатывалась при помощи аудитивного анализа. В архиве авторов

имеется архив записей живой речи, объем записей составил 15 часов звучания. При прослушивании сложных фрагментов речи использовалась компьютерная программа Sound Forge. Полученные данные сравнивались с материалами лингвистических карт Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ) [4]. Во внимание принимались, в первую очередь, те фонетические явления, которые, по мысли Р.И. Аванесова, являются «подвижными» [1], так как именно подвижные элементы определяют специфику каждого говора. Подобный подход к изучению особенностей фонетической системы позволяет выявить специфические черты рассматриваемого говора. Предметом специального наблюдения и анализа в этой статье являются вариантное употребление согласных звуков в западных говорах исторического Белозерья: в соответствии с фонемой /в/ губно-зубного [в] и билабиального [w], наличие вариантов аффрикаты [цʰ], в соответствии с фонемой /з/ согласных [з], [зʰ], [жʰ] в соответствии с /л/ велярным – [л], [ў] и употребление [l] среднего.

Говоры Кирилловского района с точки зрения диалектного членения русского языка являются межзональными, формирующимися в результате междиалектного контактирования [1]. В такой языковой системе реально сосуществуют явления, встречающиеся на соседних территориях. Исследователи отмечают, что такие говоры «имеют менее выразительную собственную характеристику» [6, с. 26]. Эти объединения представляют собой некую «переходную зону», отделяющую пограничные диалектные системы, что, несомненно, должно сказаться на языковом континууме. Это один из факторов, порождающий вариантность языковых единиц.

Формирование говора всегда связано с историей заселения края. Обращение к проблеме классификации диалектов и отнесение их к той или иной группе дает возможность восстановить картину прошлого: определить этнический состав населения, очертить географию колонизационных потоков. Неславянские народы были древнейшими обитателями на территории современной Вологодской области. В памятниках письменности упоминается племя *весь*, проживавшее в районе, окруженном озерами: Ладожским, Онежским, Белым и Ильмень. Это территория исторического Белозерья, которое и является объектом изучения. Историки утверждают, что культура вesi была не беднее, чем у соседних племен Балтии.

Белозерский край был заселен сравнительно поздно. Освоение славянскими переселенцами данной территории проходило неравномерно. В IX веке они еще не дошли до реки Шексны. Однако в X – XI вв. славяне заселяли не только бассейн реки, но и южное и северо-восточное побережье Белого озера. Историки предполагают, что на верхнее течение реки Суды и другие притоки р. Шексны славяне пришли в XI – XII вв. Колонизация продолжалась до XVI века, это был сложный и длительный процесс взаимодействия местного финно-угорского и пришлого, смешанного в этническом отношении, но преимущественно славянского, населения. На основе анализа письменных памятников лингвистами было

установлено, что древнему новгородскому диалекту были присущи следующие фонетические черты:

- 1) наличие губно-губного спиранта [w];
- 2) твердое цоканье;
- 3) утрата противопоставления фрикативных свистящих и шипящих [с] – [ш], [з] – [ж];
- 4) замена [л] на [ў] в разных позициях;
- 5) замены звуков [ф] и [фʰ] на [х] или [хв].

Лингвистами отмечается, что «главное различие (между новгородским и ростово-суздальскими диалектами – Н.В.) было связано с тем, что в ростово-суздальском диалекте последовательно оформилась корреляция согласных фонем, парных по твердости – мягкости» [3, с. 133]. Современное состояние говоров Кирилловского района в определенной степени отражает влияние древних колонизаций. В связи с этим можно предположить, что при изучении языкового комплекса обозначенного ареала есть вероятность обнаружить это влияние и даже взаимодействие особенностей, по крайней мере, в фонетическом аспекте, которые были присущи древнему новгородскому или ростово-суздальскому диалекту, а также определить ареал их распространения.

При общении с информантами и в результате последующего анализа записей живой речи можно видеть, что в говорах наблюдается неоглушение звонких согласных на конце слова, где «губно-губное w стоит вне чередования звонких и глухих согласных, сохраняется как звонкий согласный на конце слова, объединяясь в этом отношении с сонорными согласными» [12, с. 78]. Например: *коров, готов, кров, хлев, грибов* и др.; этот же звук встречается в абсолютном начале слова и перед гласными: *воз'м'ош', ворошиши', воткн'ош', вологда, врос; кл'уква, готowo, кроват', крап'иwa, с'иwыj, оторват'* и др.

Наряду с этим мы встретились и с таким явлением, как употребление на месте звука [в] неслогового [ў], звука, обладающего еще большей сонорностью. Такое произношение можно наблюдать во всех позициях:

- в абсолютном начале слова: *ўс'о, ўс'эм, ўдруг;*
- перед согласными: *дереўн'э, оўцы, д'эўк'и, мутуўка, кладоўшык, з'имуўка, кладоўка;*
- в интервокальной позиции: *корол'оў, столоўаjа;*
- в абсолютном конце слова: *д'иваноў, дроў* и др.

Конечно, следует отметить, что чаще всего в речи информантов губно-зубной [в] встречается регулярнее, чем губно-губной [w] или неслоговое [ў]: *вот, вал'ац'ы, высушат, в'эршок, протокwаша, кор'иц'н'эwыj, накашывал, пробовал'и, тр'эбовал'и, крас'ивоj* и др. В одном и том же слове можно наблюдать произношение губно-губного w, и затем губно-зубного в даже в речи одного информанта [*a jагоды дак и морбiшка / и ц'эpn'ика / и кл'уква //*]; [*л'ипог'и с кл'уkwоj п'экл'и //*] (Пронина Н.Н., д. Королево). Налицо конкуренция словоформ, отличающихся лишь одним спирантом.

В говорах Кирилловского района Вологодской области встречаются варианты аффрикат. По характеру произношения этих согласных всю территорию

Кирилловского района можно условно разделить на два ареала, сохраняющих «память» о новгородском влиянии: *пáлоцку, кóроцку, т'эл'óноцек, молоцкó, мутóвоцк'и, му́цку, комóцков, р'еб'óноцек, тар'éлоцка, в'íлоцка, бл'уд'ецко, скáлоцкой, черн'ица, голуб'ица*. В говорах преобладает более традиционное для Вологодчины мягкое цоканье: *бл'уд'ец'ко, н'иц'о (ничего), истоц'ом (истолчье), поц'ему-ть, ц'асы, м'áц'иком, гост'инц'и, н'ицоц'ками, д'éвоц'к'и, з'емл'án'иц'и, стър'иц'кóф, кос'иц'к'и, собáц'ка, пáлоц'ку, сл'и́воц'но́е, ц'истой, ц'áсто, ны'ни'е, ц'éтв'еро*.

В современных кирилловских говорах звонкий свистящий согласный [з] имеет следующие реализации: [з], [з^ж], [ж^з] – *з^ж'имóу́ка, з^ж'иму, воз^ж'и́л'и, с'в'из^ж'и́с'то, з^ж'ерно́, коу́хóз^ж'е; ж'м'е́я*. Глухой твердый свистящий согласный [с]: [с], [с^ш] – *с'но́н'и́к'и, ц'ес'но́к, скот'и́ны, п'ес'ку́* и др. (литературное произношение функционирует параллельно); глухой мягкий свистящий согласный [с']: [с'], [с'^ш] – *с'^ш'и́но', с'^ш'и́ем (се́ем), у́с'^ш'о́, с'^ш'и́ем'бро, с'^ш'и́и́цу (ситцу), с'^ш'и́емна́цат', с'^ш'и́еру́х'и, с'^ш'и́е́рые, фс'^ш'о́, на пéнс'^ш'и́и, совс'^ш'и́ем, с'^ш'и́инн'и́к, с'^ш'и́ер'едá (кухня), с'^ш'и́ротá, жен'и́у́с'^ш'а, вы'сто́яу́с'^ш'а, достáу́с'^ш'а, с'^ш'и́в'и́т, с'^ш'и́п'áт, с'^ш'и́м'етáна*. В результате воздействия литературного языка варианты, контрастирующие с нормированным произношением, встречаются реже. В обследованных населенных пунктах проживает немало людей, имеющих хорошее образование и занятых в бюджетной сфере.

На северо-востоке, преимущественно на территории Вологодской области, а также частично и на примыкающих территориях соседних областей, весьма последовательно распространено различие фонем *l* и *л'* в положении перед большинством гласных фонем, ср.: *л'антти – л'амка, л'ошад' – л'од*, но только *л'* перед *e*: *л'л'езет, л'л'ес* и под., только *l* перед *o*: *л'одка, л'овкой*. Имеющаяся в таких говорах фонема *l* отличается по звучанию от соответствующей фонемы *л/л'* тем, что при образовании *l* отсутствует веляризация, обусловленная подъемом к мягкому небу задней спинки языка. На слух *l* производит впечатление среднее между твердым и мягким *л* (отсюда термин «среднее») [1, с. 125].

Диалектологи по-разному объясняют происхождение этих звуков в севернорусских говорах. Р.И. Аванесов считает, что «среднее» *l* вместо *л* твердого в севернорусских говорах представляет собой, видимо, один из остатков иноязычной подосновы соответствующих говоров, вероятно, подосновы финской. Таково же, быть может, происхождение *у́* (*w*) вместо *л*. Среднее *l* и теперь характеризует многие языки финно-угорской группы, а также русскую речь соответствующих народов. Звук *у́* (*w*) вместо *л* перед согласной и в конце слова произносится, например, во многих говорах коми́йского языка [1, с. 171].

В характеризуемом нами говоре [l] возникает чаще всего в позиции перед гласными *o, y, a*: *лoшат', бы́ла, malo, лу́ц'и́з и́гла, пlати́а, накладу́т, лon,*

уголок, маслoм, celo, кlyn, лук, тeлу́шка и т.д. Это же явление было отмечено в работе Л.Л. Касаткиным [7, с. 171].

Подтверждается наблюдение, сделанное Р.И. Аванесовым: «среднее *l* особенно упорно сохраняется в языке женской части населения, в некоторых местах исключительно характеризуя язык женщин» [1, с. 139].

Следует отметить, что в речи информантов наблюдается вариантное произношение боковых согласных в одной и той же позиции. Так, например, в одном и том же тексте нам встретилось [l] перед гласным [a] (*науц'ила*), а в другом случае [л] (*кашу из з'ор'эн туда наклад'ош*).

[рáн'ишэ д'эн'ек н'е бы́ло / полторá м'этра купл'у́ дá и ц'о́ сош'у́ на с'еб'á фс'у́ жы́зн' и до́ц'ку то́жэ науц'и́ла кáк подро́слá // в д'ер'е́ун'е дáк фс'о́ э́л'и...] (д. Королево, Печенга).

В живой речи представителей старшего поколения Печенги замена твердого [л] на [у́] прослеживается в различных фонетических и морфонологических позициях:

– в середине слова перед шумными согласными: *паў́ка, поў́ка, буў́ка, ц'уў́к'и (чулки), б'еў́ка, скаў́ка, игóу́ка, тоў́кушка, бут'иў́ка, боў́тушка, коў́хóс, доў́го, жаў́ко, коў́баса*. Надо отметить, что в некоторых случаях наблюдаются варианты произношения: *паў́ка – палка, б'еў́ка – б'елка, буў́ка – булка*.

– на морфемном шве в возвратных глаголах: *од'еў́с'а, род'иў́с'а, уц'иў́с'а, копаў́с'а, уд'ив'иў́с'а, умыў́с'а, нагл'ед'еў́с'а ф' трóиц'у, тоскаў́с'а вец'ерами, подн'аў́с'а, пр'атаў́с'а, пот'ер'аў́с'а, жен'иў́с'а*.

– в позиции конца слова:

1) в формах глаголов прошедшего времени в единственном числе мужского рода: *пр'и́б'э́жаў́, фстаў́, рыба́ч'иў́, поса́д'иў́, погл'ад'еў́, нашóу́, упаў́, бы́у́, успеў́, з'делаў́, даў́, слы́шаў́, сн'аў́, свар'иў́, куп'иў́, науц'иў́, пр'и́болеў́, вы́ти'у́*. В.Н. Теплова, исследовавшая употребление боковых сонорных согласных, также отмечает: «Чаще всего [у́ (*w*)] сохраняется в глагольных формах типа «пошел» [16, с. 118].

2) в некоторых формах имен существительных: *поў́, стоў́, кол – коў́*. В этой позиции фиксируется и вариант реализации [л]: *поў́ – пóл, стоў́ – стóл*.

В.Н. Теплова характеризует изменение [л] > [у́], отмечает, что «явление это уже неживое, и наряду с [у́] в этих же условиях употребляют и [л] (или [l]), что свидетельствует об определенных этапах отхода от данного явления» [14, с. 176].

Е.А. Галинская отмечает, что говоры на изучаемой территории были архаичнее по своему фонетическому строю, чем собственно новгородские, в которых некоторые языковые инновации развивались быстрее [2, с. 81]. Многие черты, сохранявшиеся с конца XVI века, в настоящее время существенно нивелировались, произошло сужение ареалов диалектных явлений.

Изучение живой диалектной речи свидетельствует о том, что на территории современного Кирилловского района сосуществуют реализации, характер-

¹ По техническим причинам написание *иe* обозначает дифтонг, соответствующий данному произношению.

ные для прошлого состояния ростовского и новгородского говоров. Фонетические особенности, определяющие специфику ростовского говора, в настоящее время встречаются на центральных и восточных территориях изучаемого региона. Следует сказать, что в деревнях восточной части Кирилловского района эти черты встречаются с разной частотой в разных населенных пунктах. «Новгородские» черты, как правило, функционируют в речи жителей западной и центральной части. На центральных территориях Кирилловского района наблюдается некоторое наложение этих черт: в речи информантов можно услышать особенности произношения, характерные и для древнего ростовского и для древнего новгородского диалекта.

Уровень образования, активность общественной жизни, состав сельского населения (более образованный носитель языка), СМИ – все эти факторы влияют на процесс трансформации русских говоров, порождая фонетическую вариантность. Возникновение вариантов – естественное явление для любого живого языка, а вариативность – важное объективное свойство языковых единиц, отражающих развитие языковой системы.

Литература

1. Аванесов, Р.И. Очерки русской диалектологии / Р.И. Аванесов. – М., 1949.
2. Галинская, Е.А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте / Е.А. Галинская. – М., 2002.
3. Горшкова, К.В. Историческая диалектология русского языка. – М., 1972.
4. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Карты. – М., 1986. – Вып. 1.

5. Дурново, Н.И. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе / Н.И. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков // Труды МДК. – 1915. – Вып. V.
6. Захарова, К.Ф. Диалектное членение русского языка / К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова. – М., 1970.
7. Касаткин, Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка / Л.Л. Касаткин. – М., 1999.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1999.
9. Михова, Н.Г. Говоры Кирилловского района Вологодской области (фонетический аспект): дис. ... канд. филол. наук / Н.Г. Михова. – Череповец, 2006.
10. Орлова, В.Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров / В.Г. Орлова. – М., 1959.
11. Русская диалектология / под ред. Р.И. Аванесова, В.Г. Орловой. – М., 1965.
12. Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия / Сост. Ю.С. Азарх, Р.Ф. Касаткина, Е.Ф. Щигель. – М.; Боннум, 1991. – Ч. 1.
13. Теплова, В.Н. Звуки [л], [л'], [ў] на месте этимологического л твердого и их место в фонологических системах севернорусских говоров / В.Н. Теплова // Очерки по фонетике севернорусских говоров. – М., 1967. – С. 153 – 176.
14. Теплова, В.Н. О неоглушении согласных на конце слова в говорах русского языка / В.Н. Теплова // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1981. – М., 1984. – С. 138 – 153.
15. Теплова, В.Н. Характер употребления смычно-проходных боковых сонорных согласных в западных говорах русского языка / В.Н. Теплова // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. – М., 1975. – С. 116 – 126.
16. Чайкина, Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья / Ю.И. Чайкина // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда, 1975.

УДК 168.522

Н.В. Володина

ТЮТЧЕВ И ВЯЗЕМСКИЙ: ПОЗНАВАЯ ДРУГОГО, ПОЗНАЕМ СЕБЯ

Статья представляет собой монографический анализ стихотворения Ф.И. Тютчева «Когда дряхлеющие силы нам начинают изменять». Вектор анализа определен биографическим контекстом (взаимоотношения Ф.И. Тютчева и П.А. Вяземского), а также их творческими связями.

Ф.И. Тютчев, П.А. Вяземский. общие мотивы, поэтическое самопознание.

The article represents a monographic analysis of one of the poems by F.I. Tyutchev. Vector of the analysis is defined by biographical context (the relations between Tyutchev and Vyazemskiy), and their creative relations.

F.I. Tyutchev, P.A. Vyazemskiy, similar motives, poetic self-knowledge.

Отношения поэта с людьми (если эти люди сыграли определенную роль в его жизни), как известно, почти всегда оказываются для художника не только фактом биографии, но и творчества. Одним из таких фактов для Ф.И. Тютчева стала его дружба с П.А. Вяземским. Они встречались за границей еще в 1840-е гг., в период дипломатической службы Тютчева. Первая публикация стихотворений Тютчева в

«Современнике» осуществилась через посредство Вяземского. После возвращения Тютчева в Россию общение двух поэтов стало еще более тесным. Кроме взаимной склонности, этому способствовали определенные биографические обстоятельства. Они принадлежали разным поколениям: Вяземский родился в 1792 г., Тютчев – в 1803 г.; но оба прожили долгую (для русских поэтов) жизнь: Тютчев – 70 лет (скон-